
Доминико Трезини – староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге

Александр Андреев

О Доминико Трезини¹, первом строителе северной столицы, главном архитекторе Канцелярии городских дел, написано немало специальных исторических трудов, раскрывающих его жизненный путь и область творческих интересов. На основании подлинных документов учёные выяснили, что Трезини родился около 1670 г. в селении Астано в Южной Швейцарии (кантон Тессин) и принадлежал к дворянской фамилии итальянского происхождения. Обучившись строительному делу в Риме, но не получив постоянной работы, в 1699 г. он отправился в Копенгаген в надежде поступить на службу к датскому королю, однако обманулся в своих ожиданиях и был вынужден выполнять случайные заказы. 1 апреля 1703 г. Трезини заключил контракт с русским посланником А.П. Измайловым, выразив согласие ехать в Россию в качестве «архитектонского начальника» и служить царю Петру I «в городском и палатном строении»². Предположительно, уже в феврале 1704 г. швейцарский архитектор появился на Невских берегах – именно здесь, в связи со строительством Петровского «парадиза», в первую очередь были востребованы его профессиональные навыки. Таким образом, Трезини обрёл для себя новое отечество, на благо которого трудился до самой смерти и где полностью раскрыл свой талант архитектора и строителя. За 30 лет беспорочной службы он реализовал десятки петербургских проектов – отдельные здания (Летний и Зимний дворцы Петра I, первый Гостиный двор, Почтовый двор, Главная аптека, Галерная гавань и др.) и целые кварталы имперской столицы. Облик Петербурга невозможно представить без сооружений, созданных по замыслу Трезини и под его руководством, – Петропавловской крепости с одноимённым собором, здания Двенадцати коллегий и ансамбля Александро-Невского монастыря. Труд над созданием этих признанных шедевров, а также служба Трезини в канцелярии от строений, сопряжённая с обучением русских учеников, обстоятельно рассмотрены в историографии³. Вместе с тем остаётся совершенно не изученной одна из важнейших сторон общественной деятельности архитектора, возможно, влиявшая на идейное содержание его творений. Речь идёт об обязанностях церковного старосты в первом католическом приходе Санкт-Петербурга.

© 2014 г. А.Н. Андреев

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01205.

¹ В научной литературе бытует различное написание имени архитектора: до недавнего времени был наиболее распространён вариант «Доменико», однако в последние годы специалисты предпочитают писать «Доминико», мотивируя это тем, что сам Трезини именно так подписывался в официальных документах. В статье при указании работ разных авторов во всех случаях сохраняется написание имени Трезини, зафиксированное в их названии.

² Пространные выдержки из текста заключённого с Трезини договора, сохранившегося в документах коллегии иностранных дел, см.: *Корольков М.Я.* Архитекты Трезини // *Старые годы.* 1911. № 4. С. 18.

³ Историография темы подробно проанализирована в последней по времени научной биографии Д. Трезини: *Малиновский К.В.* Доминико Трезини. СПб., 2007.

Римские католики обосновались в Петербурге с момента закладки города. Первую католическую общину источники фиксируют уже в 1704 г. Она состояла из иностранных офицеров и мастеровых, среди которых упоминаются «нюрнбергские и швейцарские скульпторы», работавшие «для светлейшего царя»⁴. Поначалу община не имела священника и окормлялась приезжавшими время от времени иезуитами из Москвы⁵. В дальнейшем, с ростом города и повышением его политического, экономического и культурного значения, объединение католиков расширилось, вобрав в себя представителей всевозможных военных и гражданских специальностей – морских офицеров, артиллеристов, инженеров, архитекторов, врачей, аптекарей, живописцев⁶. Община не была многочисленной (в 1709 г. она насчитывала всего 70 верующих и лишь к концу царствования Петра Великого стала состоять не менее чем из 300 человек⁷), однако среди петербургских католиков первой четверти XVIII в. было немало известных людей – архитекторы Ж.-Б. Леблон, Н.Ф. Гербель и Г. Киавери, скульптор К.-Б. Растрелли, вице-адмирал М.Х. Змаевич, контр-адмирал И. Фангофт и многие другие⁸. Безусловно, они способствовали успешному развитию самых разных сфер жизни Российского государства – армии и флота, градостроительства, искусства, культуры в целом. В то же время петербургские католики были слишком различны по своему социальному положению и образу жизни, принадлежали к разным национальностям, что осложняло их взаимоотношения и ослабляло внутриобщинные связи. Среди петербургских «папешцев» (так именовали католиков в России) преобладали французы, итальянцы, немцы и поляки, которые уже на раннем этапе своей конфессиональной институционализации тяготели к обособленному существованию, несмотря на то что в течение всего XVIII столетия составляли один приход. Этот приход, который без преувеличения можно назвать детищем Доминико Трезини, успешно преодолевшем все внутренние противоречия, уже во второй половине XVIII в. получил наименование Св. Екатерины (по названию выстроенного французским архитектором Ж.-Б. Валлен-Деламотом костёла на Невском проспекте) и стал играть значительную роль в духовной и политической жизни России⁹.

В публикациях, посвящённых Д. Трезини, имеются лишь краткие упоминания о факте пребывания зодчего во главе местной латинской общины. При этом исследователи, специально не занимавшиеся изучением вопросов жизнедеятельности петербургских католиков, указывали неверные или неточные сведения относительно их вероисповедной организации и ошибочно трактовали роль прославленного архитектора в судьбе «католицкого общества» города на Неве. Так, Ю.М. Овсянников отмечал, что «иноземные обитатели Греческой слободы избрали Доминико старостой своего прихода»¹⁰, из чего можно ошибочно заключить, будто католики и протестанты слободы имели одну приходскую структуру. И.И. Лисаевич утверждала, что не кто иной, как вице-адмирал К. Крюйс,

⁴ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань, 2010. С. 194, 196.

⁵ Там же. С. 194–198.

⁶ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 14–14 об, 17.

⁷ Андреев А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 60–61.

⁸ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 244, л. 2–3; д. 540, л. 14–14 об.

⁹ Аржанухин В., Дремлюг А. Трехсотлетие католической общины Санкт-Петербурга // Символ. 2002. № 46. С. 197–229.

¹⁰ Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. Л., 1987. С. 48; *он же*. Великие зодчие Санкт-Петербурга. Трезини. Растрелли. Росси. СПб., 2000. С. 55.

«предложил Трезини стать старостой католического прихода Греческой слободы»¹¹. При этом исследовательница охарактеризовала Крюйса как «старшину католических и реформатских церквей в России»¹², смешивая далёкие друг от друга вероисповедания и наделяя вице-адмирала полномочиями, которыми он не обладал. Занимаясь вербовкой иностранных специалистов, Крюйс приглашал на русскую службу исключительно протестантов¹³, а потому отношения к делам общины католиков не имел и не мог решать, кому её возглавить. Возможно, в качестве близкого друга вице-адмирал мог посоветовать зодчему взять на себя обязанности старосты, но избрать его должны были сами прихожане.

Не совсем точно историки искусства обрисовывают и круг обязанностей Трезини как церковного старосты, сводя их к решению сугубо бытовых проблем: «Это была, скорее, общественная должность. Его обязанность как старосты заключалась главным образом в хлопотах об обеспечении слобожан жильём, одеждой, пропитанием»¹⁴. Эта убеждённость в незначительности церковной деятельности прославленного архитектора (ничем, кстати, не обоснованная) и определила отсутствие к ней интереса специалистов¹⁵. Однако Трезини не только решал вопросы снабжения прихожан всем необходимым, но и проявлял редкую религиозную активность, помогал строить культовые здания и приобретать утварь, решал конфликты и способствовал поддержанию духа благочестия в общине.

Кандидатура Трезини хорошо подходила на должность церковного распорядителя. Старостами прихода в разное время были знаменитые скульпторы граф К.Б. Растрелли и Н. Пино, живописец Л. Каравак, военные деятели – вице-адмирал М. Змаевич, капитан-командор Л. Демьянов и др.¹⁶ Тем не менее решающую роль в институционализации католического прихода в Петербурге сыграл всё же Трезини, о чём свидетельствуют приводимые ниже архивные материалы.

Церковный староста должен был отвечать определённым критериям: либо быть богатым человеком, чтобы материально поддерживать единоверцев, строить и поновлять храм, либо быть близким ко двору, чтобы при случае замолвить слово о своих подопечных государю. Трезини не был богат: с момента приезда в Россию, т.е. с 1703 г., в течение 22 лет он довольствовался годовым жалованьем в тысячу рублей и, в силу загруженности «государевой» работой, не имел возможности заниматься частными заказами¹⁷. Неоднократно архитектор жаловался на финансовые трудности и отмечал, что многие его коллеги имеют

¹¹ Лисаевич И.И. Доменико Трезини. Л., 1986. С. 34.

¹² Там же. С. 32; Интересно, что в раннем варианте своей книги И.И. Лисаевич писала о К.И. Крюйсе более правильно: «Заходил он в дома своих подопечных, как старшина евангелических и реформатских церквей в России» (Лисаевич И.И. Первый архитектор Петербурга. Л., 1971. С. 26).

¹³ Алакишин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 193.

¹⁴ Лисаевич И.И. Доменико Трезини. С. 34; ср.: она же. Первый архитектор Петербурга. С. 26.

¹⁵ К.В. Малиновский вообще не упоминает о факте пребывания Трезини на посту церковного старосты (Малиновский К.В. Указ. соч.).

¹⁶ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 1–6 об., 15–19; РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 47–47 об., 51.

¹⁷ Только в 1725 г. жалованье Трезини выросло в полтора раза, а ещё через год оно было доведено до 1 700 руб., а сам он пожалован полковником фортификации (Овсянников Ю.М. Доменико Трезини. С. 16–17, 20, 151, 170; она же. Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 24–25, 166–167, 184).

не в пример лучшее содержание¹⁸. Несмотря на это, Д. Трезини в течение долгого времени оставался главным зодчим Петербурга, «архитектонским начальником», и мог быть полезен общине своими профессиональными знаниями и положением не последнего человека в Канцелярии городских дел. К тому же Трезини был близок к царю, являясь одним из его доверенных лиц. Неслучайно авторитет Трезини сразу признали российские иноземцы, чему способствовали, конечно, и личные качества зодчего – уравновешенный и миролюбивый характер, справедливость, отзывчивость¹⁹.

Первыми заботами Трезини-старосты стали организация культовой жизни католиков и решение вопроса о выделении им помещения под церковные службы. Уже в 1705 г. в жилом доме архитектора была устроена первая публичная католическая молельня²⁰. По свидетельству самого Трезини, она располагалась на Петербургском острове, что в корне меняет наши представления о первоначальном месте жительства архитектора. В литературе утвердилось мнение, что Трезини с 1704 г. поселился и проживал как минимум до 1716 г. (или даже до 1717 г.) в Греческой слободе или рядом с ней на другом берегу Мойки²¹. К.В. Малиновский полагает, что Трезини, «обосновавшись постоянно в Санкт-Петербурге с 1706 г., первые десять лет жил на Адмиралтейской стороне на левом берегу реки Мойки в собственном деревянном доме»²². Однако в челобитной, поданной Доминико Трезини с прихожанами на Высочайшее имя, говорится: «Прошлого 705 году архитектор Трезин построил двор свой на Санкт-Петербургском острове своим коштом, в котором дворе отправлялась служба церковная по нашему закону до 710 году»²³. Это не удивительно, поскольку в первые годы после основания Петербурга остров являлся центром новой столицы²⁴. Учитывая характер и темпы застройки города, можно утверждать, что двор Трезини с молельней располагался в Дворянской или Посадской улицах (слободах)²⁵.

Первая католическая церковь в Петербурге появилась тоже благодаря Трезини. Произошло это в начале 1710 г., когда «некий иноземец и дворцовый садовник Пётр ван дер Гар отдал в дар тамо обретающимся католикам землю, купленную им за 300 рублей в Греческой слободе»²⁶. Сразу же после передачи церковной общине права на владение землёй Трезини развернул на участке строительство: согласно его собственному свидетельству, он перенёс молельный дом с Петербургской стороны на Греческую улицу и расширил здание, прибавив к нему алтарную часть и помещения для проживания духовенства. В «Челобитной Петру I от римско-католических прихожан» содержатся подробности этого дела: «А того году (1710. – А.А.) Питер Фан Дергар, бывший садовник Вашего Императорского Величества, купив на свои деньги место в Греческой слободе за триста рублей денег и на том месте каморы, которые на улице, и тогда вышеписанной Трезин своим же коштом вышеупомянутый свой

¹⁸ См. челобитные Трезини А.В. Макарову и Екатерине I в приложениях к статье: *Корольков М.Я.* Указ. соч. С. 33, 35.

¹⁹ О личных качествах Трезини см.: *Овсянников Ю.М.* Доминико Трезини. С. 48, 60.

²⁰ *Ханковска Р.* Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 21.

²¹ *Лисаевич И.И.* Доминико Трезини. С. 31, 54; *Овсянников Ю.М.* Доминико Трезини. С. 46, 153–154.

²² *Малиновский К.В.* Указ. соч. С. 128.

²³ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 7.

²⁴ *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 25.

²⁵ Там же. С. 30–33.

²⁶ РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 1032, л. 31.

двор (на Петербургском острове. – А.А.) перевёз и построил на том же месте, в котором и поныне (речь идёт о сентябре 1724 г. – А.А.) служба отправляется, да прибавил також-де две светлицы, в которых священники живут, и алтарь, который ныне в той церкви обретается, он, Трезин, сделал своим коштом»²⁷. Данная церковь действовала до пожара 1735 г. на Греческой улице, находившейся между Мойкой, Царицыным Лугом (теперь Марсово поле) и Немецкой улицей (ныне Миллионная), «за Невою рекою с московской стороны близ волного дому»²⁸.

В силу своих церковных обязанностей Д. Трезини принимал деятельное участие в решении внутриобщинных споров. Крупный конфликт среди духовенства и прихожан разразился в 1720 г. в связи с прибытием в Петербург францисканца Якова Деолегио (Джакомо Доледжио, Giacomo d'Oleggio). Деолегио был назначен Римской курией супериором «в Ингерманландской, Лифляндской и околичных провинциях»²⁹, однако ещё ранее папский престол наделил полномочиями главы над всеми российскими патерами капуцина Патриция из Милана (Медиоланского). Патриций «с братиею» служил в Петербурге задолго до прибытия Деолегио, тем не менее последний потребовал передать ему приход, предъявляя грамоту конгрегации пропаганды веры от 25 сентября 1719 г., удостоверяющую его назначение супериором в новозавоёванных балтийских землях. Патриций и его помощник Аполлинарий фон Вебер (Аполлинарий из Швица) не пожелали оставить приход.

Указом 2 сентября 1720 г. Пётр I повелел быть начальником над петербургскими католиками Патрицию³⁰, однако французские и итальянские прихожане, в отличие от немцев и поляков, поддержали Деолегио, и в общине произошел раскол³¹. Трезини, уважая прерогативы Деолегио и одновременно стремясь урегулировать конфликт мирным путём, предоставил «ингерманландскому супериору» и его товарищу отцу Микеланджело да Вестинье для проживания и служения квартиру на Васильевском острове рядом с собственным домом во 2-й линии³². Там же (возможно, даже на дворовом участке Трезини³³) рас-

²⁷ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1720 г.), д. 4, л. 7.

²⁸ РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1719 г.), д. 1, л. 1 об.

²⁹ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1720 г.), д. 4, л. 7.

³⁰ О конфликте францисканцев и капуцинов см.: АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1720 г.), д. 1–2; д. 4, л. 7, 54; оп. 10/1 (1724 г.), д. 1, 3; д. 2, л. 4 об., д. 5, л. 4 об., оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 18–30, 30 об.–31; д. 2, л. 24; оп. 10/2, д. 2, л. 1 об.

³¹ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 11, 25–37.

³² «Яков и с ним из тех же приезжих пастор Михель остались на Васильевском острове в данной от архитектора Трезини квартире» (РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 19–19 об.). Ю.М. Овсянников считает, что Д. Трезини проживал во 2-й линии по крайней мере с 1718 г. К.В. Малиновский указывает современное местоположение дома Трезини (2-я линия Васильевского острова, д. 45) и отмечает, что архитектор поселился в этом доме в 1715–1716 гг. и прожил в нём до конца своих дней (*Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 155–156; он же. Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 169–170; Малиновский К.В. Указ. соч. С. 128*)

³³ Участок являлся весьма обширным и своим местоположением (территория современных домов № 52 по 1-й линии и № 45 по 2-й линии Васильевского острова) был удобен католикам «французской нации» (*Бройтман Л.И. Адреса архитекторов и художников XVIII века в Петербурге // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1996. С. 82*). Принимая во внимание, что Д. Трезини уже предоставлял свой дом для богослужений и проживания духовенства, возможность расположения французской часовни на дворе архитектора кажется допустимой. Любопытно, что в 1750 г. дом архитектора для своего жительства приобрёл архиепископ Московский и Владимирский Платон (Малиновский), причём на момент сделки на дворе имелись два здания – каменное и деревянное. Возможно, деревянное строение и служило прежде католической часовней (*Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 157*).

полагалась «каплица», или часовня, для французских прихожан, в документах упоминаемая как церковь «во Французской улице на Васильевском острове»³⁴ (первые линии Васильевского острова, расположенные за скотными дворами кн. А.Д. Меншикова и заселённые ремесленниками «французской нации», назывались Французской слободой³⁵).

Таким образом, в бытность старостой зодчий предоставил петербургским католикам как минимум три культовых помещения. Во французской капелле в начале 1720-х гг. богослужение проводилось каждое воскресенье³⁶. Сначала в ней служил Яков Деолегио, у которого в подчинении находились два прибывших с ним францисканца (Микеланджело Вестинье и Бонавентура Шульц), а в 1724 г. Деолегио сменил францисканец Пётр Кайо («сир Кайо», Келио, Pierre Cailleau), что видно из прошения французов «от особливой их капеллы, которая, слышно, что есть, и он, Кайлот, в ней уже служит»³⁷. Французская община состояла преимущественно из ремесленников: скульпторов, каменщиков, плотников, фонтанных мастеров и т.п. и в начале 1726 г. насчитывала 43 человека мужского пола³⁸. Сложно сказать, до какого времени действовала капелла – вероятно, до высылки Кайо из России в 1726 г.³⁹, или чуть дольше. Священник был обвинён в «дерзости» и «непотребствах», хотя его вину не доказали.

Идею создания французской капеллы поддержал близкий друг Д. Трезини и его сосед по 2-й линии Васильевского острова, прославленный скульптор и мастер-резчик Н. Пино, прибывший в Россию в 1716 г. вместе с архитектором Ж.-Б. Леблоном. В доме Пино для частных богослужений и обучения детей проживал францисканец Бонавентура Шульц, который одновременно давал уроки немецкого языка и богословия детям «городового мастера Дрезина»⁴⁰. Пино и Трезини были настолько дружны между собой, что скульптор назвал своего сына именем Доминико, а воспитателями младенца стали сам архитектор и его жена⁴¹. Пино покинул Россию в 1728 г., и его отъезд, как и упомянутая высылка Кайо, вероятно, негативно повлиял на судьбу французской «каплицы», прихожане которой вскоре были вынуждены возвратиться в костёл Греческой слободы. Пино защищал интересы французских и итальянских прихожан, поддерживая Деолегио, и во многом благодаря ему и Трезини францисканцы получили право служения в главном костёле.

Папский престол решил проблему «двоевластия» над латинским духовенством в России, подтвердив начальственные полномочия Деолегио в северо-западных провинциях, а Патрицию предоставив статус супериора на исконно русских территориях (в Москве, Астрахани и других городах). Однако в

³⁴ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 12–13 об.

³⁵ Анисимов Е.В. Петербург времён Петра Великого. М., 2010. С. 324; Семёнова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 21–24; Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 157; Матвеев А. Растрелли. М., 1938. С. 14 (Последний пишет о Закобённом переулке позади сада Меншикова как «Французской слободке»).

³⁶ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 31.

³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 71.

³⁸ См. о Кайо и французской общине: АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1725 г.), д. 1, л. 8–16; оп. 10/1 (1726 г.), д. 1, л. 1.

³⁹ П. Кайо служил священником для французов в костёле Греческой слободы с 1714 г., но в 1726 г. по настоянию французского министра в России Ж. Кампредона, принявшего сторону капуцинов, был выслан из страны (АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1725 г.), д. 1, л. 8; Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 411).

⁴⁰ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 13 об.; АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 31.

⁴¹ Лисевич И.И. Доменико Трезини. С. 40, 104–105.

1722–1724 гг. в петербургском приходе между представителями двух орденов снова разгорелись споры. Обострение конфликта было вызвано тем, что место настоятеля костёла Греческой слободы узурпировал помощник Патриция Аполлинарий фон Вебер⁴². Когда Римская курия направила Патриция на служение в Москву, его место самовольно занял Аполлинарий, не имевший полномочий от папы, но считавший себя вправе распоряжаться должностью супериора по знатности своего рода⁴³. 29 сентября 1724 г. Д. Трезини вместе с другими церковными старостами (Б. Растрелли, П. Салуци, М. и Л. Каравакки, Ж. Мариотти и др.) подал Петру I жалобу, прося позволить служение Деолегио и отрешить от должности Аполлинария. В документе обращается внимание на тот факт, что упомянутые старосты своим иждивением выстроили церковь и снабдили её утварью, а Аполлинарий незаконно ею завладел: «По такой Вашей Императорской милости мы, нижайшие, ещё с начала здания сего Вашего империяльного града Санкт-Петербурга построили церковь, каждую к ней пристройку и всякую потребную церковную утварь изготовили, тако ж священников содержали всегда нашим и всего нашего общества мирского вкладом и коштом... Но меж тем как до прибытия сюда его, патра Иакова (Деолегио. – А.А.), так и по его прибытии некоторые патры ордена капуцинского, а именно патер Аполлинарий с товарищи своими капуцинами, неведомо с чьего позволения пронырством некоторых католиков оною церковью и прочею утварью завладели, взяв на себя такую волю, что и заседания меж мирян в церкви допускали самовластно»⁴⁴. Этот документ, свидетельствующий о постройке костёла Трезини на собственные средства, заверенный не только бывшими старостами, но и прихожанами (свои подписи поставили 173 человека⁴⁵), заставляет усомниться в истинности показаний Патриция Медиоланского, который ещё в 1721 г. докладывал Синоду, будто община сама выкупила для богослужения дом на участке дер Гара «у некоторого иноземца, как он слышал, за 1000 рублей»⁴⁶. По всей видимости, Патриций сознательно предоставил духовной коллегии неверные сведения, чтобы дискредитировать Трезини, Растрелли, Пино и других старост в глазах правительства и умалить их значение в деле обустройства церкви.

К челобитной был приложен уникальный и до сих пор не введённый в научный оборот документ – «Реестр, сколько мы, нижеподписавшиеся, построили и изготовили в церковь католицкую». Реестр не только свидетельствует о роли Трезини, Пино и ряда других лиц в организации католических богослужений, но и позволяет наглядно представить убранство костёла в Греческой слободе. В документе говорится: «Питер Салуци сделал своим коштом в разные годы, месяцы и числа следующее, а именно: четыре ризы из штофа разных цветов, к ним же четыре убора для алтаря, четыре пелены на патир из такого ж штофу; четыре подушки штофных, на чём полагается книга Святое Евангелие; два хитона, два стихаря да покров святого алтаря полотняные.

⁴² АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 4 об., оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 18–30.

⁴³ Швейцарский капуцин Аполлинарий был знатным дворянином, сыном ландмана и кавалера Якова фон Вебера (АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1720 г.), д. 3, л. 1–5; См. также: *Schneider H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917). Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen. Zürich, 1994. S. 285).*

⁴⁴ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 4–4 об.

⁴⁵ Там же, л. 15–19.

⁴⁶ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 30 об. О том же: РГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 112, л. 3; РГИА, ф. 796, оп. 3, д. 1292, л. 3.

Да вместе с вышеписанным Трезиним выписали из Амстердама сосуд серебряный вызолоченный, в котором содержится Тело Христово, ценою в шестьдесят рублей. Он же, Салуци, сделал серебряный ж для содержания святого мира, да такой же сосуд сделал, из которого причащают больных, такожде стакан серебряный для церковной потребы. Иосиф Мариот купил на свои деньги все книги, в которых состоит вся церковная нужда, также и всякую посуду, которая надлежит в кухне и всякую утварь домовную священникам, о чём явствует порознь именная роспись, ценою на 60 рублей. Иоанн Баптист Ноли сделал своим коштом три ризы из разных штофов с принадлежащим убором к алтарю. Умерший итальянец Иван Занолиний сделал покров из штофу чёрного, которым покрывают умерших. Умерший же итальянец Вестри сделал шесть больших подсвечников оловянных да шесть сосудов оловянных, в которых содержат цветы на алтаре. Умерший же польской нации Естман, который был при Его Императорском Величестве, сделал сосуд серебряный, в котором содержится Тело Христово, да две чаши с подносом серебряных водосвятных. Умершая француженка живописца Пинана жена его по смерти своё по духовности приказала отдать в тое церковь; три нитки жемчугу и несколько аршин белого кружева, которое всё отдал в оную церковь француз Николай Пино»⁴⁷.

Благодаря ходатайству Д. Трезини и его товарищей Святейший Синод повелел ведать католической церковь «ингерманландскому супериору» Якову Деолегио⁴⁸. Папа Бенедикт XIV, в свою очередь, особым декретом приказал Аполлинарию покинуть приход и отбыть в Москву⁴⁹. Однако Аполлинарий не пожелал подчиниться ни папе, ни российским властям. Ситуация осложнилась заступничеством за Аполлинария французского министра Ж. Кампредона, который пошёл на открытый конфликт со старостами⁵⁰. Пётр I указами от 29 июня 1723 г. и 7 февраля 1724 г. оставил приход за Деолегио, распорядившись Аполлинарию от прихода отказать⁵¹. Тем не менее конфликт не был исчерпан и принял характер личной вражды между Кампредоном и старостами во главе с Трезини и Растрелли⁵². В итоге Пётр I, раздражённый «неспокойным житьём» римских монахов, указом от 10 ноября 1724 г. повелел выслать из России как капуцинов, так и францисканцев, пригласив служителей доминиканского ордена (указ был повторён 10 декабря 1724 г.)⁵³. Временно в петербургском костёле было разрешено остаться двум францисканцам на выбор прихожан. Трезини предложил поддержать кандидатуры Деолегио и Фаустина, которые и остались служить в церкви⁵⁴.

К сожалению, мною не обнаружены материалы, непосредственно иллюстрирующие борьбу Кампредона и Трезини, тем более что последний, как человек осторожный, по всей видимости, и не старался взять ответственность за противостояние капуцинам исключительно на себя. Французский министр в дальнейшем нашёл случай отомстить францисканцам и их сторонникам: дипломат оклеветал Петра Кайо, обвинив его в дебоширствах, драках и богохуль-

⁴⁷ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 7–8.

⁴⁸ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 25, 37.

⁴⁹ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 5 об.

⁵⁰ Там же, д. 5, л. 6.

⁵¹ Там же, д. 2, л. 9; д. 5, л. 3–3 об.

⁵² Там же, д. 5, л. 7 об.–9.

⁵³ Там же, л. 13–13 об., РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 64–64 об.

⁵⁴ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 65–65 об.

ствах, и потребовал немедленно выслать его из России⁵⁵, невзирая на отзывы прихожан-французов о добропорядочности этого священника⁵⁶. Возможно, в конфликте с полномочным посланником также принимал участие Н. Пино. В любом случае Кампредон в силу субъективных политических пристрастий способствовал упадку конфессиональной деятельности своих соотечественников в Петербурге, лишив французскую «каплицу» священника и одновременно подорвав доверие к римскому клиру в русском обществе⁵⁷.

Борьбой капуцинов и францисканцев была обусловлена попытка строительства ещё одного католического храма в имперской столице. Поскольку пребывание Аполлинария в должности главы костёла Греческой слободы одновременно противоречило распоряжениям папской курии и воле российского императора, Аполлинарий и поддерживающие его члены прихода (по большей части военнослужащие) решили приступить к строительству собственного храма. Церковь на Греческой улице была деревянной, и ещё 22 августа 1720 г. по ходатайству вице-адмирала М. Змаевича поступило Высочайшее разрешение перестроить костёл в камне. Тогда же «с соглашения всех католических прихожан» адмиралтейский подьячий И. Калугин составил договор подряда на строительство, которое было поручено архитектору Н.Ф. Гербелю⁵⁸. Неизвестно, завершилась ли полностью реконструкция здания, во всяком случае брауншвейг-люнебургский резидент Ф.-Х. Вебер в «Преображенной России» (1721 г.) писал о петербургской католической церкви так: это «деревянный дом, но теперь её перестраивают в камне»⁵⁹. Ю.М. Овсянников без ссылки на документ утверждает, что «в 1720 году августа 22 дня по указу государя архитектор Гербель приступил к строению на Адмиралтейском острове, на берегу Мыреки, каменного католического храма вместо деревянного. А завершили его в 1723 г.»⁶⁰ Закончили перестройку костёла или нет (указанная Овсянниковым дата в любом случае неверна⁶¹), но Аполлинарий, ссылаясь на упомянутый высочайший указ 1720 г., причём превратно толкуя его текст, потребовал отвести место под новую церковь. 24 декабря 1723 г. из полицмейстерской канцелярии капуцинам Аполлинарию и Петру Хризологу был дан указ, отводивший

⁵⁵ Записка французского посла де Кампредона с просьбою о высылке из России француза монаха францисканского ордена Калио // *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. Прилож. 10. С. 411.

⁵⁶ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1726 г.), д. 1, л. 1–1 об.

⁵⁷ Пётр I, которому стало известно о «буйном нраве» Петра Кайо, лично пожелал, чтобы этот священник вошёл в состав шутовских кардиналов во время очередного Всешутейшего и всепьянейшего собора. С целью осмеять латинское духовенство Пётр предложил одевать членов шутовского конклава на манер Кайо (*Крюгер А.* Самодеятельный театр при Петре I // *Старинный спектакль в России: Сборник статей.* Л., 1928. С. 368; *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // *Вопросы истории.* 1991. № 12. С. 205; *Андреев А.Н.* Указ. соч. С. 209.

⁵⁸ АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 4, л. 1.

⁵⁹ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 108.

⁶⁰ *Овсянников Ю.М.* Доминико Трезини. С. 48; *он же.* Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 55.

⁶¹ В 1723 г. храм ещё не был перестроен в камне. В челобитной старост от 29 сентября 1724 г. говорится, что в перенесённом с Петербургской стороны деревянном доме Трезини церковная служба «и поныне отправляется» (АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 7). Кстати, 16 сентября 1724 г. Гербель скончался (т.е. до того, как была подана челобитная), и неизвестно, закончилась ли перестройка здания полностью. О Н.Ф. Гербеле см.: *Шилков В.Ф.* Архитекторы-иностранцы при Петре I // *История русского искусства / Под общ. ред. академика И.Э. Грабаря.* Т. 5. М., 1960. С. 99; *Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России.* Т. 1. М., 1990. С. 227; *Морозова А.А.* Н.Ф. Гербель. Городской архитектор Санкт-Петербурга. 1719–1724 гг. СПб., 2004.

место размером 19 × 39 саженей (40,5 × 83 м) для постройки римской церкви на Адмиралтейском острове на берегу реки Мьи (Мойки)⁶². Возведение костёла началось недалеко от Мьи на Малой Морской улице, причём в январе 1724 г. на его строительство уже было издержано 700 руб.⁶³ После высылки капуцинов из Петербурга стройку, по-видимому, прекратили. В отличие от костёла в Греческой слободе о церкви на Малой Морской более поздние источники не упоминают. В дальнейшем Аполлинарию вменялась в вину спекулятивная трактовка царского указа, «понеже именной Его Императорского Величества указ о строении новой кирхи имеющейся, разумеется, в той силе, чтоб тое новую кирху строить вместо ветхой, а не другую»⁶⁴. Трезини намеренно не принимал участия в новой стройке, поскольку она была связана с расколом в приходе церкви Греческой слободы, где «подвизался» Доминико.

Семейная жизнь Трезини была тесно связана с церковно-приходской. В литературе указывается, что прибывший в Петербург архитектор являлся женатым человеком. Ещё у себя на родине в Астано он обвенчался с девицей Джованной ди Ветийс, и от этого брака у него родились две дочери⁶⁵. В поисках заработка Трезини был вынужден оставить семью. В Петербурге он женился вторично в 1708 или 1709 г. Однако о дальнейшей судьбе первой жены Трезини исследователи умалчивают, и возникает впечатление, будто архитектор просто бросил свою первую семью на произвол судьбы. Очевидно, это не так. Следует признать справедливым предположение К.В. Малиновского о том, что к моменту вторичной женитьбы Доминико Трезини овдовел⁶⁶. В римско-католическом каноническом праве лишь в исключительных случаях (а на практике почти никогда) супругам предоставляется сепарация, т.е. освобождение от брака. К таким причинам относят неспособность супруга к деторождению по болезни (в случае с четой Трезини эта причина отпадает); переход в другое вероисповедание (причина маловероятна, поскольку Трезини и его близкие в России оставались католиками) и прелюбодеяние, доказанное в судебном порядке. Последняя причина могла иметь место, но тогда в канцелярии Святейшего Синода или Коллегии иностранных дел обязательно сохранились бы судебные материалы, однако их нет. Следовательно, супруги не были разведены. Если бы вторично женившийся Д. Трезини не овдовел, он не смог бы возглавить приход и исполнять обязанности старосты. Факт повторной женитьбы архитектор не скрывал от своих единоверцев: благодаря одному из прихожан петербургского костёла Дж.Б. Цинетти мы и знаем о семейных делах Трезини. Цинетти работал строителем под началом Доминико, жил некоторое время в его доме, затем вернулся в Астано и поделился сведениями о жизни архитектора с его родственниками⁶⁷.

⁶² АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 4, л. 1–2.

⁶³ 7 января 1724 г. именным указом Петра Великого Аполлинарию «с товарищи» было позволено «для строения при Санкт-Петербурге нового костёла место отвести в Малой Морской, которое и отведено. За которое место они указное число денег в полицмейстерскую канцелярию заплатили и на строение оногo костёла уже издержали денег около семисот рублей» (АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 5, л. 19 об.).

⁶⁴ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 52.

⁶⁵ *Ehret J. Dominico Trezzini aus Astano // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd. 12. Basel, 1951. S. 98–99. Цит. по: Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 24.*

⁶⁶ Малиновский К.В. Указ. соч. С. 132.

⁶⁷ Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 49.

От второй, петербургской жены Трезини, которую звали Гертрудой⁶⁸, у зодчего родились сын Пьетро (в марте 1710 г.) и дочь Мария Магдалина. Сына архитектора, согласно записям первой метрической книги прихода Греческой слободы, крестил иезуит Скорти, а крестным отцом выступил сам царь Пётр I⁶⁹. Позднее архитектор имел случай напомнить властям, что его сына «держал при крещении Его Императорское Величество Пётр Великий, давший ему своё собственное имя»⁷⁰. Крестной матерью Пьетро Трезини была дочь К. Крюйса, лютеранка⁷¹. Попутно следует обратить внимание на факт ускоренного строительства костёла: в начале 1710 г., как упоминалось выше, общине был только передан земельный участок под строительство, а весной того же года в церкви уже осуществлялись таинства.

Снова овдовев, Д. Трезини женился в третий раз. Супругой зодчего стала Мария Карлотта (на русский манер её звали Марией Петровной), дочь мастера-итальянца, одного из прихожан петербургской римско-католической церкви. В третьем браке у Трезини родились сыновья Джузеппе (Иосиф), Джоаккино (Иоаким), Джорджио (Георгий), Маттео (Матфей), дочери Катарина и Элеонора Мария Барбара⁷². Все дети были крещены в латинскую веру и являлись прихожанами костёла Греческой слободы, а затем церкви Св. Екатерины Александрийской.

Прилагая немало усилий для развития петербургского прихода, стремясь воцерковить и воспитать детей в католической вере, архитектор, несомненно, не мыслил спасения вне Римской Церкви. Тем не менее Д. Трезини был лишён того прозелитического азарта, который свойственен многим его единоверцам-современникам, как духовным персонам, так и мирянам⁷³. Естественно, дом зодчего, где постоянно проживали русские ученики, а также денщики и канцеляристы⁷⁴, становился потенциальной зоной инославного влияния, однако в его процессе усваивались не столько католические религиозные принципы, сколько культура католических стран, а именно её градостроительная, художественная и бытовая составляющие. Примером служит «европеизированный» культурный облик любимого ученика Трезини М. Земцова, изучавшего в доме архитектора сначала итальянский язык, а потом и архитектуру⁷⁵. Частое присутствие ксёндзов, проводимые в доме Доминико католические богослужения, регулярное общение с друзьями-католиками не могли не способствовать развитию веротерпимости у православных учеников и коллег зодчего. Сам Трезини неоднократно демонстрировал конфессиональную толерантность на службе

⁶⁸ ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 2.

⁶⁹ Ханковска Р. Указ. соч. С. 22.

⁷⁰ Малиновский К.В. Указ. соч. С. 132.

⁷¹ Корольков М.Я. Указ. соч. С. 25; Лисевич И.И. Доменико Трезини. С. 55.

⁷² Малиновский К.В. Указ. соч. С. 132.

⁷³ О прозелитических усилиях петербургских патеров и церковных старост (например, М. Змаевича, К.-Б. Растрелли и др.) см.: Андреев А.Н. Указ. соч. С. 64, 122, 138–139 и др.

⁷⁴ Д. Трезини на протяжении всей своей жизни занимался педагогической деятельностью, стремясь передать знания и опыт новым соотечественникам. В доме архитектора постоянно проживали от 8 до 10 учеников, некоторых он даже держал на своём «коште». Об учениках Трезини см.: Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 49, 86–87; *он же*. Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 56, 96–97; Лисевич И.И. Доменико Трезини. С. 103.

⁷⁵ Иогансен М.В. Михаил Земцов. Л., 1975. Земцов настолько хорошо был знаком с итальянскими вкусами и культурой, что Я. Штелин писал, будто он когда-то «был послан в Италию», хотя архитектор там никогда не был (Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. С. 203).

и в повседневной жизни: в 1728 г. он размечал площадку под строительство лютеранской кирхи Св. Петра на Невском проспекте⁷⁶, а в 1730 г. хлопотал о разрешении построить в своём поместье, мызе Зарецкой Копорского уезда, православную церковь Преображения Господня, мотивируя свой шаг тем, что «без церкви и без священника многие младенцы без крещения, а в возрасте без исповеди и святыя Евхаристии умирают, а хотя и есть в том Копорском уезде в других мызах церкви, токмо весьма в дальнем расстоянии»⁷⁷. Так «архитектонский начальник» заботился о духовных нуждах своих православных крепостных.

Россия для Трезини фактически стала второй родиной: зодчий уважительно относился к её историческому прошлому, ценил ум и дарования новых соотечественников. Тем не менее осознание и сохранение своей католической идентичности воспрепятствовали полному «обрусению» знаменитого тессинца. Не зная об активной церковной деятельности архитектора, исследователи его жизни и творчества, соответственно, не могли понять, почему была затруднена его русская аккультурация. Вот что пишет об этом Ю.М. Овсянников: «Примечательно, что хорошо зная русский язык и прожив в Петербурге многие годы, Трезини всё же предпочёл поселиться среди выходцев из Европы. Рядом с близкими ему по духу резчиками по дереву, декораторами, живописцами, строителями, основавшими Французскую слободу»⁷⁸. К этому следует добавить: не только с близкими «по духу» людьми, но и людьми одного вероисповедания, духовное единение с которыми становится условием личного христианского спасения.

До конца своих дней Доминико Трезини оставался ревностным (хотя и не фанатичным) католиком. Умер зодчий после исповеди и причащения Святых Тайн 19 февраля 1734 г., похоронен 24 февраля на Сампсониевском кладбище, в инославной его части, о чём сохранилась запись в книге регистрации смертей прихожан костёла, сделанная префектом Микеланджело да Вестинье⁷⁹. Кладбище (ныне не существующее) располагалось на Выборгской стороне при православной церкви Сампсония Странноприимца, недалеко от которой хоронили также католиков и протестантов⁸⁰. Уже во второй половине XVIII в. инославный *sepulcretum* застроили, вследствие чего могила зодчего навсегда потерялась.

Таким образом, новые сведения историко-биографического характера позволяют увидеть в архитекторе Трезини верующего человека, более того, – церковного распорядителя, стоявшего на страже интересов петербургских католиков и существенно повлиявшего на развитие местного римско-католи-

⁷⁶ Малиновский К.В. Указ. соч. С. 53–54, 138.

⁷⁷ Там же. С. 207–208 (Прошение архитектора Д. Трезини императрице Анне Иоанновне о разрешении построить в пожалованной ему мызе Зарецкой православную деревянную церковь на каменном фундаменте. 8 декабря 1730 г.).

⁷⁸ Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 158; *он же*. Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 172.

⁷⁹ В метрической книге католической церкви Св. Екатерины Александрийской (в архиве которой хранятся документы костёла Греческой слободы) за 1734 г. Микеланджело сделал запись: «1734 год, 19 февраля. Умер Доминико Трезини из Лугано, полковник фортификации на службе Ее Императорского Величества, дня 19 февраля около пяти часов утра, приняв святое причастие, и 24 дня погребен на Сампсониевском кладбище. – Михаэль Ангелус, апостолический префект» (пер. с лат.) (Цит. по: Корольков М.Я. Указ. соч. С. 32).

⁸⁰ Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.М. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 259.

ческого прихода. Имя Доминико Трезини неотделимо от церковной истории Петербурга, причём не только католической, но и православной. Своей профессиональной и общественной деятельностью архитектор внёс немалый вклад в формирование духовной атмосферы города на Неве, особенностями которой стали мирное сосуществование, а подчас и переплетение различных религиозных традиций и обычаев, тесные межконфессиональные связи. Однако данные о приходской деятельности Трезини-католика важны ещё и по другой причине. Его активная церковная и вероисповедная позиция ставит проблему религиозного содержания его творчества. Возникает вопрос о том, влияла ли и если да, то каким образом, данная позиция на характер православного культового зодчества знаменитого архитектора⁸¹. Картина творческой деятельности Трезини будет неполной, если не остановиться на том значении, какое он имел как распорядитель латинской общины. Неслучайно представители нескольких поколений российских искусствоведов и историков архитектуры отмечали, что многие культовые постройки, проектированные Трезини, не соответствуют православным канонам, а элементы декора зданий несут не свойственную православному зодчеству экспрессию⁸². Тем не менее специального исследования на эту тему до сих пор нет. Изучение деятельности Трезини в качестве церковного старосты петербургских католиков даёт необходимую историко-теоретическую основу такому исследованию и позволяет поставить вопрос о привнесении архитектором элементов западного церковного зодчества в русскую архитектуру.

⁸¹ Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Католическая составляющая в творчестве Доминико Трезини: к постановке проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 94–99.

⁸² Например, Б.М. Кириков связал композицию Петропавловского собора в Петербурге с традициями строительства иезуитских церквей, в частности со знаменитой церковью Иль Джезу в Риме, считая, что для Трезини, «итало-швейцарца и католика, образ здания, восходящий к Иль Джезу, был, вероятно, символом храма вообще» (Кириков Б.М. Прообразы композиции Петропавловского собора // Краеведческие записки: Исследования и материалы / Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Вып. 2. СПб., 1994. С. 25). В.Ф. Шилков писал об «отступлении» Трезини «от традиционно-канонических требований русского церковного зодчества» (Шилков В.Ф. Архитекторы-иностранцы при Петре I // История русского искусства. Т. 5. М., 1960. С. 86). Об иконостасе Петропавловского собора, имевшем в центре широкий проём («там, где должны быть глухие царские врата, виден открытый для взоров алтарь»), см.: Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. С. 102.